

Е.В. Амелина

Образ Базарова в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети»

Через несколько лет после выхода романа «Отцы и дети» Тургенев рассказывал, как он работал над образом Базарова. «Ее удивлюсь, впрочем, что Базаров остался для многих загадкой; я сам не могу хорошенько себе представить, как я его написал. Тут был — не смейтесь, пожалуйста, какой-то фатум, что-то сильнее самого автора, что-то независимое от него. Знаю одно: никакой предвзятой мысли, никакой тенденции во мне тогда не было; я писал наивно, словно дивясь тому, что у меня выходило», — писал Тургенев в письме Салтыкову.

В авторском отношении здесь предугадывается особенная ложность образа, даже парадоксальность его. И сложность натуры Базарова раскрывается уже в самом начале романа, в «идейных спорах» его с Павлом Петровичем. Именно здесь Евгений Васильевич открывает свои взгляды, свое мировосприятие.

В этих спорах герои касаются многих сторон русской жизни — морали, религии, культуры. Павел Петрович считает, что только аристократия способна вывести Россию на путь прогресса. Идеальным общественным строем, по мнению Кирсанова, является конституционная монархия, принятая в Англии. Базаров же считает аристократов неспособными к решительным действиям, и потому он отвергает «пути Павла Петровича».

Отрицает Евгений Васильевич и религию, принципы и авторитеты, ту свободу, о которой «так хлопочет правительство». Кирсанов напоминает ему о том, что нельзя все время разрушать, «надобно же и строить». На что Базаров отвечает, что «сперва нужно место расчистить», а строить — потом.

Павел Петрович напоминает Базарову о патриархальности русского мужика, говорит о том, что нигилисты совершенно не знают русского народа: «...Я вас за русского признать не могу». На что Базаров с гордостью отвечает: «Мой дед землю пахал... Спросите любого из ваших же мужиков, в ком из нас — в вас или во мне — он скорее признает соотечественника». Однако герой совсем не идеализирует русского мужика. Базаров с негодованием говорит о невежестве народа, о грубейших суевериях, о падении нравов в крестьянских семьях.

Кирсанов пытается, убедить противника в эстетическом значении искусства, живописи и поэзии. Базаров же убежден в совершенной бесполезности этих культурных ценностей. «Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта!» — безапелляционно заявляет Евгений Васильевич.

Причиной этого всеобъемлющего отрицания часто считают нигилизм Базарова, его материалистические воззрения, Однако это лишь внешняя (наиболее поверхностная) причина поведения героя. Истинные же мотивы «беспощадного отрицания» заключены в самом укладе русской жизни, в характере героя, в складе его мышления.

Еще дореволюционный исследователь А. Незеленов писал о Базарове как о типе истинно русском, национальном. И в тургеневском герое, действительно, очень много исконно русских, национальных свойств. Прежде всего, в нем есть простота, добродушие. Черты эти проявляются в Базарове во время дуэли с Павлом Петровичем. Слегка ранив своего противника, Евгений Васильевич отказывается продолжать дуэль отказывается от своего права на еще один выстрел. «Теперь я уже не дуэлист, а доктор и прежде всего должен осмотреть вашу рану», — говорит он Павлу Петровичу.

Есть в Базарове и способность безраздельно отдаваться чувствам, «все поставить на карту женской любви». Это тоже исконно русская особенность, обусловленная самим душевным складом русского человека.

Другое национальное качество в России, по замечанию Д. Овсяннико-Куликовского, — самокритичность, склонность к насмешкам над «своею жизнью, своими нравами формами быта, понятиями». Самокритичность, способность к самоанализу — все это присутствует в тургеневском герое. Наконец, сама страсть к отрицанию, по мнению того же исследователя, — национальная черта. Дух времени лишь обострил ее, но суть этого явления осталась прежней. Дух отрицания неизменно присутствует в героях русской литературы — в Чацком, в Онегине, в Печорине, у которого «врожденная страсть противоречить». Истоки этого отрицания лежат в особенностях русской жизни, в особенностях душевного склада русского человека, в особенностях мировосприятия. «Давно замечено, что мы, русские, не так связаны традицией культуры, как связан ею западноевропейский человек», — пишет Овсяннико-Куликовский. Истоки этого явления, по мнению исследователя, в русской культурной отсталости, в духе обломовщины, неизменно присутствующем в различных слоях общества.

В отрицании Базарова отражаются и собственно-личностные черты героя. Это сам склад мышления его. Как замечает Овсяннико-Куликовский, «у Базарова сильный аналитический и критический ум, несколько сухой и холодный, не чуждый иронии и скептицизма, “научно-деловой”..., в области идей, идеалов, такой ум всегда предохранит человека от узости, односторонности, фанатизма, не позволит ему стать рабом идеи, мономаном». В основе мировосприятия Базарова — тяга к внутренней свободе, он отвергает любые задание шаблоны, догмы, правила.

Такую свободу, на первый взгляд, дает материалистическое учение, однако в то же время материализм героя и ограничивает. В своей тяге к внутренней свободе Базаров хотел бы освободиться от любых учений, на самом деле материализм противен ему. Герой как будто жаждет освободиться от собственного миропонимания. Вспомним разговор Базарова с Аркадием, в котором первый сопоставляет человеческую жизнь с вечностью. «А я вот думаю: я вот лежу здесь под стогом... Узенькое местечко, которое я занимаю, до того крохотно в сравнении с остальным пространством, где меня нет и где дела до меня нет; и часть времени, которую мне удастся прожить, так ничтожна перед вечностью, где меня не было и не будет... А в этом атоме, в этой математической точке, кровь обращается, мозг работает, чего-то хочет тоже... Что за безобразие! Что за пустяки!» — возмущается Базаров.

Материалистическое миропонимание ограничивает могущество человеческой личности. Базаров отрицает «в силу ощущения» — его мозг «так устроен». Причем герой здесь приравнивает духовные понятия к материальным: «Отчего мне нравится химия? Отчего ты любишь яблоки? — тоже в силу ощущения. Это все едино, глубже этого люди никогда не проникнут». В последнем замечании Базарова — уже откровенная тоска по абсолютной свободе духа.

Как точно замечает А. Незеленов, герой не верит в вечную, духовную жизнь, но он «жаждет подобной веры». И эта жажда сказывается у Базарова во всем. Само отрицание его — какое-то «напряженное, искусственное и насильственное», резкость высказываний героя говорит о крайнем беспокойстве его духа, о его томлении в рамках нигилистических учений. Сама злоба Базарова демонстрирует нам не что иное, как особую душевную уязвимость героя. «Эта злоба не есть выражение нарушенного эгоизма или оскорбленного себялюбия, она есть выражение страдания, томление, производимое отсутствием любви. Несмотря на все свои взгляды, Базаров жаждет любви к людям. Если эта жажда проявляется злобою, то такая злоба составляет только обратную сторону любви» (Н. Страхов).

Базаров влюбляется в Анну Сергеевну Одинцову и безраздельно отдается собственным чувствам. Казалось бы, в любви этой есть предпосылки для обретения желанной духовной свободы (не скованной догмами вульгарного материализма), однако герой глубоко несчастлив: Одинцова не отвечает ему взаимностью. И Базаров уже воспринимает

свое чувство почти враждебно: любовь, по его мнению, как раз и ограничивает внутреннюю свободу, могущество его личности.

В душе героя возникает неразрешимый трагический конфликт. Внутренняя свобода Базарова делает его неспособным к фанатичному поклонению какой-либо идее, какому-либо учению. И поэтому любовь завладевает им безраздельно. Материалистическое учение, «завладевает» умом Базарова, так и не смогло завладеть его душой. Отсюда — внутренняя уязвимость героя, его бессилие в борьбе с собственными чувствами. Роковая, всеобъемлющая любовь, охватившая Базарова, доказывает, насколько герой жаждет веры в вечную, духовную жизнь.

В этих духовных устремлениях Базарова выражено мировоззрение самого Тургенева, его философские взгляды. С. Орловский в 1918 году писал о религиозной драме Тургенева, о роковом столкновении в душе его двух начал: «суровой готовности принять законы науки и непримиримого бунта души против них».

Человек в тургеневской философии заранее обречен, ничтожен перед неумолимым течением времени. Природа-судьба равнодушна, а порой и враждебна к нему, в отношении ее человеку нет никакого смысла, никакой закономерности. Жизнь человеческая очень хрупка — она отдана на произвол незначительных случайностей. Человек не рождается для счастья — существование его несет на себе явный отпечаток неминуемого страдания. Конечный результат этого страдания — смерть. Бессмертие же имеет смысл только при условии сохранения личности, в другом варианте оно равно небытию.

Стоит отметить, что взгляды писателя сформировались под влиянием философии Шопенгауэра. И пессимизм Шопенгауэра породил в Тургеневе «чувство непобедимого отвращения к жизни вообще». Однако в жизни есть несколько явлений, в которых человек обретает бессмертие. Это любовь, искусство и красота.

И Базаров в романе жаждет обрести это «бессмертие». Это и есть та самая абсолютная свобода духа, к которой он так стремится. Но любовь его становится роковой: невозможность счастья оборачивается ощущением глубинного трагизма человеческого существования, в том числе и собственно-личностного. По Тургеневу, герой здесь как будто лишается последнего — веры в свободу духа, в бессмертие. Любовь как будто приоткрывает ему эту возможность, но и тут же «опускает его на землю». Поэтому гибель Базарова закономерна. Внутренний конфликт его не может разрешиться в сюжетно-событийных рамках романа, потому что он имеет глубинный, философский подтекст. Образ героя глубоко трагичен.